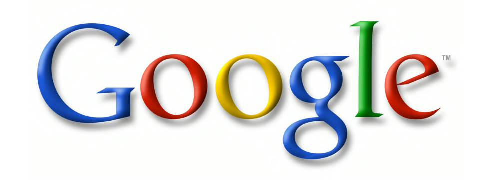
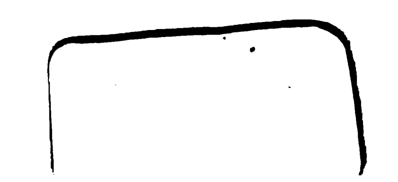



HDI
HL 1R9D M


SIGILLUM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS



БЕСѢДА

НАЧАЛЬНИКА ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

О ЗНАЧЕНІИ

ВОЕННЫХЪ ЗАКОНОВЪ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ДЛЯ УСТРОЕННОЙ ИМЪ РЕГУЛЯРНОЙ АРМІИ.

Въ день 170 лѣтъ со времени подписанія манифеста объ Уставѣ Воинскомъ 1716 г.

Ген.-л.-П. О. Бобровский



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. С. Балашева, Екатерининн. кан., 78.
1886.



Напечатано по распоряженію Начальника Военно-Юридической Академіи Генералъ-Лейтенанта *П. О. Бобровскаго.*

Сегодня 30 марта исполнилось *сто семьдесятъ лѣтъ* со времени подписанія Петромъ I манифеста, при которомъ обнародованъ знаменитый: „Уставъ Воинскіи о должности генераловъ, фелтъ-маршаловъ, и всего генералітета, и протчіхъ чіновъ, которые при воіскѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно». Манифестъ Государя оканчивается такъ: «Еже чрезъ собственный нашъ трудъ собрано, и умножено» Въ журналѣ Петра Великаго (ч. II., стр. 14) записано слѣдующее: «Въ семъ-же 1715 году, Государь, будучи въ Санктъ-Петербургѣ началъ уставъ воинскій сухопутный со всѣми обстоятельствами». Зимою Сенатъ разсматривалъ этотъ уставъ, а весною 1716 года рукописный экземпляръ Устава посланъ въ Данцигъ на утвержденіе Царя, вслѣдъ за его отъѣздомъ изъ Петербурга къ арміи.

Въ Кабинетѣ сохраняются нѣкоторыя изъ бумагъ, писанныхъ и исправленныхъ самимъ Петромъ и вошедшихъ впослѣдствіи въ нѣкоторыя части Устава Воинскаго. До сихъ поръ мы знакомы съ документами Кабината изъ реестровъ у *Голикова* (т. IX, стр. 385 и проч.) и изъ выдержекъ *Соловьева*. Академія Наукъ, какъ извѣстно, при-

ступаетъ къ изданію бумагъ Петра Великаго, объясняющихъ, между прочимъ, и его законодательную дѣятельность.

На основаніи трактата, заключеннаго Петромъ I съ Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ I въ обозѣ подъ Стральзундомъ, 30 сентября 1715 года, съ цѣлью изгнанія Шведовъ изъ Германіи и принужденія ихъ къ миру, Русскій царь послалъ на помощь своему союзнику значительную часть своей арміи подъ начальствомъ фельдмаршала графа *Шереметева*. Въ концѣ марта 1716 года русскія войска сосредоточены были близъ Данцига (Gdansk). Сюда-же прибыли Петръ I съ супругою Екатериною Алексѣевною, царевна Екатерина Ивановна, герцогъ Мекленбургскій, король Польскій Августъ. При войскахъ, кромѣ фельдмаршала, находились генералы Репнинъ, Боуръ, Вейдъ.

Далѣе въ журналѣ записано (ч. II, стр. 18): «Въ 30 день (марта) книга Воинскій сухопутный уставъ, которая въ 715 году въ Санкпетербургѣ начата сочиняться, чрезъ собственный Государевъ трудъ, въ Гданскѣ окончена, и для напечатанія послана въ Санктпетербургъ».

Послана она въ Сенатъ при слѣдующемъ манифестѣ: «Господа Сенатъ! Посылаю Вамъ книгу Воинскій Уставъ, который зачатъ въ Петербургѣ и нынѣ совершенъ, который велите напечатать число не малое, а именно: чтобы не меньше 1000 книгъ, изъ которыхъ ста три или болѣе на славянскомъ и нѣмецкомъ языкѣ для иноземцевъ въ нашей службѣ; и понеже оной хотя основаніемъ воинскихъ людей, однако же касается и до всѣхъ Правителей земскихъ, какъ изъ онаго усмотрите: того для, когда напечатаютъ, то разошлите по пропорціи во всѣ корпусы войскъ нашихъ, такъ же по Губерніямъ и Канцеляріямъ, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался, а оригиналъ оставьте въ Сенатѣ. Изъ Данцига въ 10 день апрѣля 1716 г.» Теперь

этотъ оригиналъ, подписанный Петромъ 30 марта 1716 года, скрѣпленный по листамъ тайнымъ кабинетъ-секретаремъ *Макаровымъ* и государственною печатью, хранится въ библіотекѣ Главнаго Штаба.

Вмѣстѣ съ повелѣніемъ Сенату о напечатаніи Устава Воинскаго Петръ I даетъ князю Меньшикову «Пункты, что исправить справщикамъ и наборщикамъ въ печатаніи новой книги Устава Воинскаго» и указываетъ ему образецъ формата, по которому Уставъ должно печатать.

Прошло 170 лѣтъ, а между тѣмъ ученые въ Германіи утверждаютъ еще, что этотъ великій памятникъ законодательныхъ работъ Русскаго Царя, плодъ его многолѣтнихъ трудовъ, составленъ нѣмцемъ и переведенъ на русскій языкъ! Пора, наконецъ, разсѣять эту басню.

Въ день памятный для Русской Арміи, считаю умѣстнымъ подѣлиться съ Военно-Юридической Академіей своими выводами, добытыми пятилѣтнимъ изученіемъ памятниковъ военныхъ законовъ административныхъ и уголовныхъ, иностранныхъ и русскихъ, XVI и XVII и начала XVIII в.

Моя настоящая бесѣда есть плодъ историко-юридическихъ изслѣдованій части «Артикула Воинскаго». недавно вышедшей изъ печати («Арт. Воинск. гл. V—XII, арт. 50—100) *).

---

*) Въ 1-мъ раздѣлѣ, гл. III, стр. 205 мною сказано объ ошибочномъ заключеніи г. фонъ-Штейна, утверждающаго въ своемъ сочиненіи «Geschichte des Russischen Heeres», Hannover, 1885, будто «Уставъ Воинскій» составленъ какимъ-то нѣмцемъ и проч. Это заключеніе мною опровергнуто въ «Русск. Инв. за 1885 г., № 24», и въ раздѣлѣ 2-мъ, гл. X—XI, стр. 590—595. Но почему между писателями Германіи такъ долго поддерживается неосновательное мнѣніе? Сорокъ лѣтъ тому назадъ профессоръ Дерптскаго Университета Тобинъ, въ публичной рѣчи, произнесенной 21 апрѣля 1846 г., сказалъ слѣдующее о происхожденіи «Устава

Вліяніе культурныхъ государствъ Европы на Россію, возрастая съ конца XV столѣтія, мало по малу вносило въ бытъ русскихъ войскъ *новыя начала*, вслѣдствіе чего уже съ конца XVII вѣка стала неизбѣжною реформа военнаго устройства въ Московскомъ государствѣ.

Потребность переустройства вооруженныхъ силъ Россіи сознавалась еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Къ нему намѣренъ былъ приступить и Θеодоръ Алексѣевичъ, и съ этою именно цѣлью созванъ былъ, въ концѣ 1681 года, соборъ начальныхъ людей и иноземныхъ полковниковъ, но соборъ не пошелъ далѣе уничтоженія мѣстничества. Между тѣмъ, одряхлѣлая и расшатанная система помѣстнаго устройства войскъ готова была рухнуть сама собою, что вполнѣ обнаружилось, когда бразды правленія перешли къ юному царю Петру Алексѣевичу.

Съ этого момента быстро преобразился внѣшній видъ войскъ. Организація ихъ, система военнаго управленія и законы внесли въ бытъ русскаго войска новыя начала, и потому должны были вызвать реформы всей государственной администраціи. Требовалось развить экономическія средства государства, а это вызвало мѣры, содѣйствовавшія тяжкой и трудной борьбѣ новаго съ старымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было

Воинскаго»: «Въ 1716 году появился знаменитый, составленный на основаніи иностранныхъ законодательствъ капитаномъ Вейде, Воинскій Уставъ...» См. «Журн. Мин. Нар. Просв.» за Іюнь 1847 года, статья: «Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказ. 1845 г.». Перев. съ нѣмецкаго А. Л. Стр. 186. Тобинъ сослался на «Москвитянина», 1842 г., № 5. Не отсюда-ли источникъ заблужденія? Достаточно простаго сличенія рукописи устава А. Вейде, хранящейся въ Императ. Публ. Библ., съ рукописью «Устава Воинскаго о должности генераловъ и проч.», хранящейся въ библіотекѣ Главнаго Штаба, чтобы понять ошибку, переданную въ Германію профес. Тобиномъ.

напрягать народныя силы для защиты государства отъ враговъ внѣшнихъ, сильныхъ и опасныхъ по своимъ замысламъ.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ, по иноземному образцу, началось съ переустройства всей пѣхоты въ 1699 г., и завершилось обнародованіемъ въ 1716 году «Устава Воинскаго о должности генераловъ, фельдмаршаловъ и всего генералитета, и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть и проч.»*).

Учрежденіе регулярныхъ войскъ дало самый сильный толчекъ къ быстрому развитію могущества русскаго государства, глубоко затронувъ общественный бытъ народа. Это объясняется государственнымъ значеніемъ войска.

Государство лишается спокойствія и силы, когда отъ неисправнаго содержанія солдата и отъ дурнаго управленія разстраивается армія,—когда отъ злоупотребленія по ея довольствію нарушаются государственные, общественные и частные интересы,—когда, вслѣдствіе самоуправства военнослужащихъ, наносится ущербъ собственности гражданъ. Во всѣхъ подобныхъ нарушеніяхъ колеблется авторитетъ власти, подрывается дисциплина, и въ военный бытъ вносится деморализація, губящая самую сильную армію. Эти черты внутренняго разложенія охватили помѣстное войско, стрѣльцовъ и русскіе полки иноземнаго строя еще до принятія Петромъ I единодержавія.

Слѣдуя ходу историческихъ явленій, я прежде всего стараюсь, въ настоящемъ изслѣдованіи, обратить особое вниманіе на тѣ общіе мотивы преступной воли, когда нару-

*) Это, собственно, 1-я часть собранія законовъ Петра Великаго; 2-ю часть составляютъ «Артикулъ Воинскій и Процессы», 3-ю часть—о экзерциціи (или ученіи), о приготовленіи къ маршу и о званіяхъ и должностяхъ полковыхъ чиновъ. Часть первую положено издать вмѣстѣ съ другими военными законами до Петра I, послѣ окончанія «Артикула Воинскаго».

шалась дисциплина и отсутствовалъ порядокъ въ снабженіи войскъ довольствіемъ, необходимымъ для существованія солдата, а затѣмъ уже объяснить, какъ послѣдствіе такого безнарядья, появленіе недовольствъ и смутъ въ войскѣ, развитіе разнообразныхъ способовъ уклоненія отъ службы, или же самоуправство и насиліе воинскихъ людей по отношенію къ мирному гражданскому населенію. Опираясь на рядъ историческихъ явленій, я желалъ бы доказать, что вступленіе нашего великаго военнаго законодателя на путь реформъ, во всемъ ихъ объемѣ, вполнѣ оправдывается нравственнымъ упадкомъ русской приказной администраціи въ концѣ XVII вѣка, деморализаціей войска и безсиліемъ Соборнаго Уложенія и другихъ законовъ для противодѣйствія злу, разъѣдавшему экономическія силы всей массы народонаселенія.

Чтобы представить цѣлесообразность законодательныхъ мѣръ Петра Великаго по отношенію къ быту постоянной регулярной арміи, я считаю наиболѣе практичнымъ разнообразныя историческія явленія изложить въ сравнительныхъ очеркахъ по двумъ раздѣламъ. Въ первомъ раздѣлѣ разсматривается «Переходъ Россіи къ регулярной арміи», то-есть представляется обзоръ историческихъ фактовъ, какъ причинъ и условій, опредѣлившихъ неизбѣжность перехода государствъ западной Европы, а затѣмъ и Россіи, отъ войскъ *національныхъ* (временныхъ и постоянныхъ) и *наемныхъ* къ войскамъ регулярнымъ. Во второмъ раздѣлѣ въ восьми главахъ (V—XII) излагается текстъ артикуловъ (отъ 50 до 100), т. е. содержаніе матеріальныхъ военно-уголовныхъ законовъ. Для разъясненія мотивовъ законовъ, направленныхъ противъ извѣстнаго рода правонарушеній, въ каждой главѣ Артикула дѣлается краткій историческій очеркъ явленій и фактовъ, относящихся къ составу излагаемыхъ преступленій. Здѣсь я вхожу въ ближайшее разсмотрѣніе дѣйствія

законодательныхъ памятниковъ, русскихъ и заимствованныхъ отъ иностранцевъ (съ конца XVI в.), и представляю вліяніе тѣхъ и другихъ на удовлетвореніе потребностей русскихъ войскъ, при различныхъ условіяхъ военнаго быта, въ XVI, XVII и началѣ XVIII столѣтія.

Въ трехъ главахъ 1-го раздѣла сдѣлана общая характеристика явленій, которыми обусловливалось переустройство войскъ въ Европѣ и въ Россіи.

Въ 1-й гл.—обстоятельства и условія, опредѣлившія рядомъ явленій неизбѣжность перехода западной Европы къ регулярнымъ войскамъ.

Во 2-й гл.—устройство и содержаніе войскъ въ Россіи со времени введенія огнестрѣльнаго оружія, а равно причины и послѣдствія матеріальнаго и нравственнаго упадка военной силы въ государствѣ съ половины XVII столѣтія.

Въ 3-й—обстоятельства и условія, опредѣлившія переходъ Россіи къ регулярной арміи, для которой составлены новые военные законы въ отмѣну или дополненіе прежнихъ, частью неудовлетворительныхъ, частью-же неполныхъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ законовъ ранѣе были заимствованы у иноземцевъ.

Второй раздѣлъ, составляющій, собственно, продолженіе изслѣдованій объ Артикулѣ Воинскомъ, излагается по порядку расположенія главъ отъ 5-й до 12-й и служитъ отвѣтомъ на вопросы, возбужденные въ 1-мъ раздѣлѣ *). Въ каждой главѣ спачала дѣлается изслѣдованіе историче-

*) Въ предъидущихъ трудахъ «Состояніе военнаго права въ западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ (XVI, XVI и начало XVII вѣка)» (1881 г.) и «Артикулъ Воинскій, выпускъ 1-й введеніе, манифестъ, присяга и первыя четыре главы», (1882 г.) разсмотрѣны мною иностранныя системы военнаго права, какъ источники военнаго законодательства Петра Великаго, доказано происхожденіе Артикула Воинскаго отъ шведскаго военнаго уголовнаго кодекса конца XVII ст., съ дополненіями, измѣ-

скихъ фактовъ и явленій въ военномъ быту западной Европы и Россіи въ связи съ историческими событіями вообще; затѣмъ, разбирается текстъ русскихъ (на лѣвой страницѣ) и шведскихъ (на правой страницѣ) артикуловъ, при чемъ, посредствомъ приводимыхъ мною справокъ, замѣтокъ и объясненій, легко опредѣляется сходство между русскими артикулами и шведскими или другими законами, служившими оригиналомъ или источникомъ для нашихъ военныхъ законовъ, откуда, поэтому, читатель можетъ уже видѣть происхожденіе каждой статьи Артикула Воинскаго и каждаго толкованія изъ шведскихъ или другихъ иностранныхъ законовъ, или-же отъ комментаторовъ; наконецъ, въ *заключеніяхъ* къ каждой главѣ дается общая характеристика разсмотрѣнныхъ законовъ, указано: какія изъ статей Артикула вошли въ составъ Устава Военно-Уголовнаго (1839 г., С. В. П. ч. V) и въ чемъ онѣ видоизмѣнились подъ вліяніемъ коренныхъ реформъ въ военномъ быту, совершенныхъ императоромъ Александромъ II, въ нынѣ дѣйствующемъ Уставѣ Воинскомъ о наказаніяхъ (1869 г. по редакціи 2-го изданія 1879 года, С. В. П. кн. XXII).

Въ составъ разсматриваемой части Артикула Воинскаго входятъ слѣдующія воинскія правонарушенія:

I. Измѣна служебному долгу или его нарушеніе, и вообще разнообразные виды уклоненія отъ военной службы. (Побѣги, самовольныя отлучки, неявка на службу, обманъ для выхода въ отставку; гл. IX, X, XI и XII).

II. Злоупотребленіе власти начальниковъ въ отношеніи подчиненныхъ, противозаконное удержаніе начальниками жалованья и провіанта, а равно вещей, слѣдуемыхъ подчинен-

---

неніями и поясненіями (въ толкованіяхъ) по другимъ иностраннымъ законамъ, и объяснено историческое значеніе памятниковъ, служащихъ основаніемъ Русскому военно-уголовному законодательству.

нымъ, употребленіе нижнихъ чиновъ на несоотвѣтствующія ихъ обязанностямъ работы (гл. V, VII и VIII).

III. Злоупотребленія по расходованію и храненію воинскаго имущества (гл. VII и VIII).

IV. Порча и отчужденіе нижними чинами оружія, одежды и вообще предметовъ снаряженія (гл. VI и VII).

V. Нарушеніе внутренняго порядка и воинскаго благочинія на походѣ, въ лагеряхъ, на квартирахъ у обывателей (гл. X и XI).

Что-же касается до грабежей и насилій и вообще преступленій противъ личности и имущества гражданъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, на походѣ, въ лагеряхъ, на квартирахъ, то, хотя эти правонарушенія вошли въ слѣдующія части Артикула, но мнѣ необходимо будетъ обратить вниманіе на вліяніе этихъ преступленій въ быту русскихъ войскъ, съ цѣлью объясненія мотивовъ воинскихъ преступленій, входящихъ въ составъ разсматриваемой части.

Общая характеристика тезисовъ перваго раздѣла.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ сопровождалось въ Европѣ: 1) усиленіемъ центральной правительственной власти въ государствѣ, 2) измѣненіями въ управленіи финансовъ, вслѣдствіе радикальной перемѣны въ системѣ налоговъ и перевода многихъ натуральныхъ воинскихъ повинностей въ денежныя, 3) образованіемъ новыхъ центральныхъ военныхъ учрежденій и органовъ для введенія порядка въ контролѣ, единства въ управленіи войсками и отправленія военнаго правосудія, при различныхъ условіяхъ военнаго быта, 4) приведеніемъ къ однообразію одежды, вооруженія и снаряженія войскъ, соотвѣтственно родамъ оружія, вслѣдствіе чего объе-

динялись способы спабженія войскъ предметами довольствія, облегчались способы передвиженія и уменьшались расходы на содержаніе солдата, и, наконецъ, 5) привлеченіемъ къ военной службѣ преимущественно низшихъ классовъ народонаселенія, менѣе прихотливыхъ и болѣе способныхъ къ перенесенію тягостей войны.

Я здѣсь не касаюсь чрезвычайно важныхъ успѣховъ въ военномъ искусствѣ.

Сопоставляя событія отечественной исторіи съ соотвѣтственными явленіями на Западѣ въ переходную эпоху военнаго искусства, нельзя не замѣтить неизбѣжности у насъ перелома въ устройствѣ и содержаніи войскъ, за многіе десятки лѣтъ до начала Великой Сѣверной войны. Потребность преобразованія военнаго устройства въ Московскомъ государствѣ сознавали, за долгое время до воцаренія Петра I — и защитники старины, и сторонники новаго направленія.

Первые не довѣряли иноземцамъ («нѣмцамъ»), считали ихъ насадителями внутреннихъ смутъ въ государствѣ и потому опасались заимствованій съ Запада, серьезно ожидая бѣдствій, если правительство станетъ покровительствовать иноземцамъ и вводить улучшенія по ихъ образцамъ: «яко изъ сея причины учиниться еще нѣкогда мятежъ, измѣна и кровное проливаніе» (*Безсоновъ*, Госуд. Русское, рукопись Крижанича временъ царя Алексѣя Михайловича). Подобно Явканицу (Крижаничу), они думали достигнуть улучшеній въ русскомъ войскѣ, не ломая стараго, не вводя нѣмецкаго строя и вооруженія, и даже полагали поднять воинскій духъ и дисциплину посредствомъ изгнанія иноязычныхъ рѣчей въ ратномъ дѣлѣ.

Напротивъ, послѣдователи новаго направленія не видѣли спасенія въ старинѣ, не ожидали успѣха въ военномъ дѣлѣ отъ помѣстныхъ и на-скоро собираемыхъ ратей, отъ вѣчно

мятежныхъ стрѣльцовъ, слишкомъ дорого стоившихъ государству, и предлагали устроить военныя силы, во всѣхъ отношеніяхъ сходныя съ образцами западно-европейскихъ государствъ (Ордынъ-Нащокинъ и другіе).

Такъ далеко расходились въ своихъ взглядахъ защитники старины и сторонники новаго направленія. Военный расколъ, усиливаясь все болѣе и болѣе, достигъ кульминаціоннаго пункта, когда неудачи двухъ Крымскихъ походовъ подорвали въ основѣ авторитетъ людей, глубоко скорбѣвшихъ объ упраздненіи мѣстничества.

Является Петръ Великій.

Въ исторіи Россіи учрежденіе регулярныхъ войскъ составляетъ великую эпоху, знаменуемую коренными перемѣнами въ административномъ строѣ и въ военныхъ повинностяхъ. Чтобы изыскать средства для установленія новаго порядка въ довольствіи войскъ жалованьемъ и кормомъ, вообще, чтобы ввести болѣе раціональную систему въ военномъ хозяйствѣ, необходимо было отказаться отъ многихъ натуральныхъ повинностей, падавшихъ исключительно на землю, обративъ таковыя въ денежныя, и правильнѣе разложить налоги на промышленные и торговые классы, чѣмъ положить широкое основаніе для развитія земледѣлія, оживленія промышленности и распространенія торговли. Войско должно было выдѣлиться въ особое состояніе въ государствѣ, и военному быту нужно было дать самостоятельность.

Изъ минувшихъ событій отечественной исторіи и изъ современнаго состоянія государствъ западной Европы Петръ Великій выноситъ твердое убѣжденіе въ необходимости содержать войска въ постоянной готовности къ дѣлу и довольствовать ихъ исправно, регулярно удовлетворяя ихъ существеныя потребности: «Мы найпаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства,

дабы войска наши состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ». (Изъ манифеста Петра I въ апрѣлѣ 1702 года о призывѣ иностранцевъ въ Россію). Для обученія войскъ, по прежнему, требовалось содѣйствіе иноземцевъ, но для утвержденія порядка и дисциплины въ войскахъ одного содѣйствія ихъ было недостаточно. Прежніе военные законы, не только свои, но и заимствованные отъ иностранцевъ, также оказались неполными, устарѣлыми, не соотвѣтствующими условіямъ военнаго быта постоянныхъ «регулярныхъ войскъ».

Въ созидаемой регулярной арміи не легко было вводить единство въ строѣ, въ вооруженіи и снаряженіи, замѣнять помѣстныя и поселенныя войска регулярными «нѣмецкими» полками, снабжать армію регулярно разнообразными предметами денежнаго и вещеваго довольствія, устанавливать порядокъ въ довольствіи солдата всѣмъ необходимымъ на квартирахъ и на маршѣ, при скудныхъ, неразвитыхъ экономическихъ средствахъ страны, въ такое время, когда приходилось напрягать народныя силы для достиженія успѣха въ борьбѣ съ врагомъ внѣшнимъ, страшнымъ не многочисленностью своихъ ратей, а превосходствомъ военной организаціи, надъ которою трудился еще не такъ давно геній величайшаго европейскаго полководца — Густава-Адольфа. Необходимо было тогда-же поднять значеніе солдата, приспособить его къ военному дѣлу, обучить его военному искусству, поставить военное ремесло въ рядъ занятій необходимыхъ.

Новыя военныя учрежденія повели къ ломкѣ старой «приказной» администраціи. Успѣхъ дѣйствій новой арміи въ продолжительной тяжкой войнѣ обусловливался точностію и быстротою исполненія указовъ; между тѣмъ, «старые судьи», представители и дѣльцы приказовъ, посылая указы,

вовсе не заботились объ ихъ исполненіи; они по необходимости должны были уступить мѣсто людямъ новаго закала, воспитаннымъ въ строгой школѣ Петра I, неустанно слѣдившаго за дѣйствіями ихъ въ канцеляріяхъ, а затѣмъ и въ коллегіяхъ.

Военный бытъ въ Россіи начинаетъ получать обликъ, сходный съ военнымъ бытомъ западно-европейскихъ монархій; идеалы великихъ полководцевъ и правила военныхъ законодателей XVII столѣтія служили Петру Великому образцами для военныхъ и законодательныхъ реформъ, и онъ, устроивъ армію, обезпечивъ ее содержаніемъ, не колеблясь, принялъ иноземные военные законы, измѣненные по его начертаніямъ и составленные при его непосредственномъ участіи.

Его военное право даетъ русскимъ войскамъ практическія задачи, ставитъ болѣе возвышенныя и широкія цѣли. Ограждая интересы государства и охраняя собственность гражданъ, военное право пуще всего заботится о внутреннемъ благосостояніи войскъ, поддерживаетъ въ нихъ строгій порядокъ и непоколебимую дисциплину, предупреждаетъ угрозою строгой кары злоупотребленія по довольствію солдата предметами снабженія, при различныхъ условіяхъ воинскаго быта—на квартирахъ и на походѣ, въ крѣпостяхъ и лагеряхъ, въ военное и мирное время.

Однако, новымъ военнымъ законамъ пришлось вести долгое время жестокую борьбу съ укоренившимися обычаями и предразсудками, которые оказались болѣе упорными, чѣмъ законы писанные, утвержденные верховною санкціею, болѣе сильными, чѣмъ могучая воля Великаго Преобразователя.

Общая характеристика тезисовъ исторической части втораго раздѣла.

Устройство войскъ, ихъ комплектованіе, военное хозяйство и судъ подчинились въ Европѣ, а затѣмъ и въ Россіи, тѣмъ-же общимъ условіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ росла и крѣпла центральная государственная власть. Для повѣрки личнаго состава, исправности въ снабженіи войскъ одеждою, оружіемъ, снаряженіемъ, вещевымъ и денежнымъ довольствіемъ солдата, центральная власть въ Европѣ нашла новые способы болѣе дѣйствительные, чѣмъ существовавшіе въ *національныхъ милиціяхъ и наемныхъ войскахъ*. Въ монархіи новаго времени выдвинулось значеніе военно-финансовыхъ учрежденій и зависимыхъ отъ нихъ органовъ администраціи, полиціи и суда. Такими учрежденіями въ Россіи первоначально были Сенатъ и Кригсъ-Коммиссаріатъ, съ подчиненными имъ кригсъ-коммиссарами и фискалами. Губернаторы и провинціальные коммиссары, подъ контролемъ Сената, обязаны были заботиться о комплектованіи войскъ, о своевременномъ снабженіи ихъ деньгами и другими предметами довольствія и т. п. (См. Уст. Воин. и главы VIII, IX, X, и XI Артикула Воинскаго).

Вліяніе военно-полицейскихъ органовъ (профосовъ, прево, приставовъ), которымъ въ XVI ст. предоставлена была обширная власть въ Германіи и Франціи, стало падать со времени 30-ти лѣтней войны, послѣ того, какъ Густавъ-Адольфъ установилъ господство военной юстиціи надъ полиціей и преимущество суда коллегіальнаго предъ судомъ единоличнымъ. Затѣмъ Людовикъ XIV, усиливъ вліяніе главныхъ военныхъ коммиссаровъ или инспекторовъ и опредѣливъ кругъ дѣйствія этихъ чиновъ въ отношеніи снабже-

нія войскъ всякаго рода довольствіемъ, установилъ опредѣленныя положенія по военному хозяйству (штаты, табели и т. п.).

Съ этого времени, съ конца XVII в., управленіе арміей въ своей и непріятельской странѣ, отношенія войскъ къ жителямъ занятой страны, военная дисциплина, внѣшній и внутренній порядокъ въ войскахъ стали опираться на солидарности дѣйствій полководца, коммиссаровъ, чиновъ военной полиціи и юстиціи, а экономическія и политическія соображенія опредѣлили юрисдикцію военныхъ судовъ и потребовали усиленія фактическаго надзора въ командномъ отношеніи.

Ближайшимъ средствомъ надзора оставались смотры. Съ эпохи Людовика XIV «смотровой плацъ» (Muster-Platz), «плацъ-парадъ» (place d'armes), съ легкой руки знаменитаго учителя плацъ-парадныкъ кунштюкамъ Пюйсегюра (Puysegur), служилъ средствомъ для *повѣрки* образованія войскъ: на смотровомъ плацу французскій король и подражавшіе ему владѣтельные герцоги и князья Германіи стали выставлять свои войска на *показъ*; (не даромъ «mettre en parade» въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «*тщеславиться*»). Увлеченіе показною стороною войскъ на парадѣ, обойдя всю Европу, въ началѣ, быть можетъ, не мало способствовало развитію механики строя, съ его симметрическими линіями, подраздѣленными на однообразныя, правильныя, красивыя фигуры. Впослѣдствіи, однако, это увлеченіе принесло не мало горькихъ плодовъ и затормозило на долго развитіе военнаго искусства. Механизмъ строя, доведенный до абсурда, убивалъ индивидуальное развитіе воина, которое, однако, необходимо для успѣха дѣйствія огнемъ.

Смотры, съ плацъ-парадными изобрѣтеніями, не достигали, между тѣмъ, главной, прямой цѣли: о нихъ знали

заранѣе, къ нимъ готовились; они производились поверхностно и самому ретивому коммисару или инспектору, подкрѣпленному придачею гражданскаго депутата, не удавалось проникнуть въ закулисныя стороны полковаго и ротнаго хозяйствъ, пока полковники и капитаны, какъ и въ былое время, при господствѣ наемниковъ, оставались неограниченными распорядителями суммъ, опредѣляемыхъ на содержаніе солдата.

Во всякомъ случаѣ благомыслящія, твердыя центральныя управленія становились защитниками жителей отъ вымогательства со стороны войскъ, и хотя злоупотребленія въ военномъ хозяйствѣ продолжались въ войсковыхъ частяхъ, но это *домашнее зло* не могло уже дѣйствовать во вредъ цѣлому народу. Мы имѣемъ основаніе, поэтому, признать начало XVIII стол. зарею законности въ содержаніи войскъ въ Европѣ (глава VI, VII, VIII и IX).

Начало того-же XVIII столѣтія было колыбелью и гуманитарныхъ идей въ военно-уголовномъ законодательствѣ. Какъ ни парадоксально это положеніе, но оно подкрѣпляется сопоставленіемъ законовъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ—до и послѣ учрежденія регулярныхъ войскъ.

Въ эпоху, предшествовавшую учрежденію регулярныхъ войскъ, при господствѣ военно-полицейскаго режима, замѣчалось полное отсутствіе правомѣрности въ наказаніяхъ: начальники войскъ—полковники и капитаны (у насъ воеводы и головы), и органы военной полиціи—профосы или прево (у насъ пристава) пользовались безконтрольною властью надъ жизнію солдатъ. Если къ сказанному прибавимъ отсутствіе порядка въ довольствіи войска жалованьемъ, то не трудно представить себѣ шаткость основаній для поддержанія въ войскахъ военной дисциплины: достаточно было одной неудачи, какого либо несчастія, и вся

армія обращалась въ бродячія шайки разбойниковъ, для которыхъ не было ничего святаго.

Хотя въ военно-уголовныхъ уставахъ, начиная съ шведскаго военнаго кодекса, съ «Военнаго Артикула Густава-Адольфа», мы встрѣчаемъ суровыя, даже жестокія наказанія за нарушеніе дисциплины, за безчестные поступки начальниковъ и подчиненныхъ, но въ томъ же кодексѣ опредѣляются и легкія исправительныя (дисциплинарныя) наказанія за преступленія, которыя не угрожаютъ основамъ военной дисциплины, не имѣютъ общеопаснаго характера, не наносятъ непоправимаго вреда жизни и имуществу гражданъ. Эти начала были потомъ развиты Вильгельмомъ Оранскимъ въ его положеніяхъ о полковомъ судѣ за маловажныя преступленія. Кромѣ того, Генрихъ IV и Густавъ-Адольфъ и ихъ послѣдователи стремились поднять начала юстиціи въ войскахъ и подчинить отвѣтственности по военнымъ законамъ не только рядовыхъ солдатъ, но и начальниковъ, безъ различія, во всѣхъ родахъ войскъ.

Если военно-уголовные законы отличались жестокостью, что особенно замѣтно во французскихъ военныхъ ордоннансахъ Людовика XIV, то судьямъ, опиравшимся на процессуальную практику, на комментаріи, предоставлялась возможность, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, отступать отъ буквальнаго текста закона, смягчать наказанія, понижать ихъ мѣру, опредѣлять случаи невмѣняемости, освобождать отъ наказанія невиновнаго.

И въ нашей исторіи вѣкъ Петра Великаго служитъ переходною ступенью отъ грубаго произвола воеводъ, головъ и приставовъ къ установленію отвѣтственности по закону и подчиненныхъ, и начальниковъ.

Предоставленіе суду права смягчать наказаніе составляетъ отличительную черту толкованій Артикула Воинскаго.

Въ нихъ нашъ законодатель говоритъ о смягченіи, когда предусматривается возможность уменьшить отвѣтственность безъ ущерба и для интересовъ службы, и для дисциплины. «Однако-же можетъ судья разсудить, что съ измѣнническаго ли какого умысла, или съ глупости или безумства; такожде во время ли войны или мира то учинится, и потому разсужденію наказаніе убавить или прибавить». Военные законодатели и особенно комментаторы въ своихъ сужденіяхъ, а за ними и толкованія Артикула, требовали примѣненія закона, соображаясь съ состояніемъ субъекта, съ важностью правонарушенія и со степенью значенія объекта, и притомъ требовалось принимать во вниманіе обстоятельства мирнаго и военнаго времени.

Въ санкціи военно-уголовныхъ законовъ, однако, продолжали удерживаться тенденціи средневѣковыя, то есть, какъ и въ обще-уголовныхъ законахъ, господствовало, согласно принципу *устрашенія*—физическое страданіе, соединенное съ безчестіемъ и разореніемъ экономическаго благосостоянія не только приговореннаго на казнь субъекта, но и его потомства. Это было данью вѣку, который не могъ еще освободиться отъ гнетущаго наслѣдія минувшихъ варварскихъ временъ, когда суевѣріе и ханжество соединялось съ жестокостью и господствовало надъ благостью христіанскихъ доктринъ. Но тогда уже многіе философы усиленно проповѣдывали о необходимости милосердія къ грѣшникамъ, и высшая (военная или государственная) власть не рѣдко сама обнаруживала милосердіе, смягченіемъ приговоровъ при ихъ конфирмаціи. Эти начала смягченія ясно указаны въ шведскихъ военныхъ законахъ о судѣ. Впрочемъ, Людовикъ XIV и его послѣдователи въ Германіи, Даніи и даже Швеціи, не склонны были подчиняться ученію провозвѣстниковъ переворота во взглядѣ на возмездіе за содѣянное зло (гл. X и XI).

Жестокость санкцій во французскихъ, а за ними въ прусскихъ и русскихъ военно-уголовныхъ законахъ болѣе всего замѣтна въ наказаніяхъ за дезертирство: тутъ опредѣлялись всегда суровыя и самыя позорныя наказанія (клейменіе, обрѣзаніе носа и ушей, вырываніе ноздрей, вѣчныя галеры, висѣлица). Тогда полагали, что не должно миловать бѣглеца, какъ измѣнника и клятвопреступника. Однако, не смотря на угрозы жестокими наказаніями, не удавалось прекратить побѣговъ изъ войскъ. Напротивъ, они стали наиболѣе распространеннымъ преступленіемъ, отчего разстраивался личный составъ арміи, казна терпѣла большіе убытки, подтачивалась дисциплина и въ странѣ распространялись бродяги, люди стоявшіевнѣ закона, способные всегда мутить спокойствіе внутри государства: ни жестокія наказанія, ни обѣщаніе милосердія не ослабили этого страшнаго зла въ Европѣ до конца XVIII столѣтія (гл. XII).

Еще о происхожденіи «Устава Воинскаго». Кто былъ первымъ составителемъ «Артикула Воинскаго»?

Для объясненія артикуловъ, имѣющихъ прямую связь съ правилами военнаго хозяйства и военно-полицейскаго надзора, при различныхъ условіяхъ военнаго быта, я привожу военно-административные документы—нѣкоторые почти цѣликомъ, а другіе въ извлеченіи (гл. V, VIII, X, XI, XII). Эти документы важны потому, что служили матеріаломъ для Артикула Воинскаго. Между прочимъ, въ главѣ XI мною приведенъ рядъ документовъ, потверждающихъ мое мнѣніе о происхожденіи и порядкѣ составленія законовъ, вошедшихъ въ составъ трехъ частей «Устава Воинскаго 1716 года».

Мы увидимъ изумительную дѣятельность Петра I, который, основательно изучивъ Европу, тщательно и умѣло подводилъ итоги всему прошедшему, незаконченному, безформенному, воспринятому на вѣру, не продуманному, навязанному случайно, а затѣмъ, убѣжденный въ преимуществахъ у сосѣдей, вступилъ на путь преобразованія военнаго устройства, твердо уповая, что принятіе иноземнаго строя, вооруженія, законовъ отъ болѣе просвѣщенныхъ западныхъ сосѣдей не погубитъ русскаго народа и не обезсилитъ могущества русскаго царя.

О томъ, что полезно и годно для русскаго государства, Петръ I опредѣлялъ, оглядываясь на прошедшее и проникая въ будущую судьбу русскаго народа, который, путемъ торговыхъ сношеній съ западомъ, связалъ свою судьбу съ судьбою западно-европейскихъ народовъ еще въ эпоху Іоанна Грознаго, а вслѣдствіе торговли съ востокомъ заставилъ уважать русское имя въ отдаленной Сибири, до стѣнъ Китая.

Преобразуя внѣшній видъ русскаго войска, всецѣло и во всѣхъ частяхъ, принимая отъ западныхъ сосѣдей форму одежды, строй, вооруженіе, систему содержанія и порядокъ управленія, Петръ I, естественно, принялъ европейскіе военные законы, надъ созданіемъ и обработкою которыхъ трудились великіе умы народовъ всей Европы, начиная отъ древнихъ грековъ и римлянъ и оканчивая шведами, датчанами, германцами и французами.

Поправки въ текстѣ артикуловъ на оригиналѣ, сдѣланныя Петромъ I собственноручно, въ настоящемъ изданіи напечатаны выдающимся шрифтомъ (въ разрядку), а редакціонныя—кажется, рукою кабинетъ-секретаря Макарова—напечатаны курсивомъ.

Первоначальная-же обработка Артикула Воинскаго по шведскому оригиналу, какъ видно, поручена была саксонцу

Эрнсту-Фридриху Кромпену, оберъ-аудитору на службѣ въ русскихъ войскахъ (гл. XII, замѣтка къ толкованію на арт. 98-й).

Источники и пособія, которыми я пользуюсь, сверхъ названныхъ въ 1-мъ выпускѣ «Артикула Воинскаго» (стр. 85 и слѣд.), поименованы въ началѣ 1-го раздѣла настоящаго выпуска (стр. 4—19), съ краткимъ очеркомъ значенія каждаго для моихъ изслѣдованій.

Въ перечнѣ неупомянута рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича, изданная *Безсоновымъ*, подъ заглавіемъ: «Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка». Она очень важна, и оцѣнка этому источнику сдѣлана мною на стр. 187 и 279 (цит. 250 и 344).

Къ числу поименованныхъ томовъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества» (стр. 7 п. 20) слѣдуетъ присоединить *томъ пятидесятый*, изданный уже послѣ отпечатанія настоящаго труда. Этотъ томъ содержитъ любопытныя донесенія и другія бумаги чрезвычайнаго англійскаго посланника Витворта, съ марта 1708 по 1711 годъ, и обнимаетъ, слѣдовательно, важнѣйшій періодъ Сѣверной войны: измѣну Мазены, Полтаву, овладѣніе Выборгомъ, Ригою и другими городами въ Прибалтійскомъ краѣ, Прутскій походъ и сношенія Петра I съ союзниками для перенесенія русскаго оружія на сѣверъ Германіи.

Хотя опубликованные теперь документы нисколько не измѣняютъ моего заключенія о трудномъ положеніи Петра Великаго въ первый періодъ Сѣверной войны (см. 1-й разд. глава III), однако, для характеристики событій, предшедшихъ Полтавскому бою, рѣшившему судьбу всей войны, не безполезно наши свѣдѣнія дополнить небольшою замѣткою.

Независимо Булавинскаго бунта, который внушалъ Петру I большія опасенія, такъ какъ большинство Донскихъ казаковь взялось за оружіе и многіе высланные противъ нихъ новобранцы переходили на ихъ сторону, дѣла на театрѣ военныхъ дѣйствій лѣтомъ 1708 года (при движеніи Карла XII изъ Литвы въ Украйну) были «въ очень опасномъ положеніи за недостаткомъ способныхъ генераловъ и офицеровъ», о чемъ упоминалось такъ часто въ прежнихъ письмахъ Витворта. Въ неудачномъ Головчинскомъ боѣ, гдѣ часть арміи потерпѣла пораженіе, съ поля сраженія бѣжали цѣлыя части: пѣхота Репнина, достигнувъ лѣса, бросилась въ него искать своего спасенія; изъ восьми тысячъ войскъ дивизіи фельдмаршала Шереметова уцѣлѣла только часть въ 800 чел., прочіе люди возвращались къ своимъ частямъ по одиночкѣ или погибли. Эта крупная неудача, вѣроятно, заставила Петра I поспѣшить прибытіемъ къ арміи изъ Петербурга, чтобы самому принять начальство надъ войсками. Генералы Репнинъ и Чамберсъ, всѣ второстепенные начальники и офицеры отданы были немедленно подъ военный судъ, который многихъ обвинилъ въ *уклоненіи отъ долга службы*: князь Репнинъ былъ приговоренъ къ лишенію жизни, но помилованъ царемъ, казнь замѣнена разжалованіемъ съ обязательствомъ вознаградить убытки казны за утерянные и испорченные предметы: «оружіе, обозъ, орудія», «что составить, пишетъ Витвортъ, очень значительную сумму, равную почти состоянію осужденнаго». Помощникъ его, генералъ-лейтенантъ Чамберсъ, тоже былъ разжалованъ и лишенъ царскаго ордена (29 авг. н. ст.), но во вниманіе къ его преклоннымъ лѣтамъ и къ прежней его отличной службѣ, званіе и орденъ были ему возвращены, спустя день или два дня. «Some other officers of less note have likewise been made examples, but that start of justice, it is feared, will have no great effect, since the persons still left at the head of their affers want both conduct and resolution». (Ch. Witworth to the r. h. m. s. Boyle, Moscow, 18—29 August 1708). Что значитъ: «Пострадали и многіе другіе офицеры, но опасаются, что и этотъ судъ не будетъ имѣть замѣтныхъ послѣдствій, такъ какъ у лицъ, стоящихъ во главѣ дѣла, не достаетъ ни *умѣнья вести себя*, ни энергіи». (Ч. Витвортъ ст.-секр. Бойлю изъ Москвы, 18—29 августа 1708 г.).

Къ счастію Петра, на походѣ въ Украину стали обнаруживаться *упадокъ духа и дезертирство* въ шведской арміи. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, писалъ Витвортъ, «шведы терпятъ сильный недостатокъ въ провіантѣ, два раза вмѣсто хлѣба пришлось раздавать солдатамъ капусту и рѣпу». «Сначала въ ротѣ было по 150 человѣкъ, но еще до послѣдней встрѣчи съ русскими 17 сентября (дѣло Макушева у Мигновицъ), сильно ослабѣли отъ болѣзней и дезертирства, такъ что при этой встрѣчѣ въ самой многочисленной конной ротѣ насчитывалось не болѣе восьмидесяти, а въ нѣкоторыхъ ротахъ не болѣе пятидесяти человѣкъ; питаются они преимущественно капустой и рѣпой, и то безъ хлѣба, и безъ соли, даже офицерамъ рѣдко удается добыть кусокъ мяса. Въ одну недѣлю передъ описанной схваткой въ каждой ротѣ полка графа Гульденштирна умираю отъ десяти до восемнадцати человѣкъ, да и другой полкъ не въ лучшемъ положеніи». (Донес. № 25, изъ Москвы 15—26 сентября 1708 г.).

Такимъ образомъ роли мѣнялись: превосходство моральной силы переходило на сторону русскихъ. Измѣна Мазепы, за которымъ послѣдовала только горсть малороссійскихъ казаковъ, ни мало не измѣнила положенія дѣла, и Петръ Великій теперь искалъ только случая, чтобы однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить войну съ опаснымъ противникомъ.

Если замѣчанія современника дополнимъ указаніями Вольтера, въ сочиненіи «Histoire de la Russie sous Pierre le Grand», о необузданныхъ грабежахъ и насиліяхъ Шведовъ на Украйнѣ, въ зиму съ 1708 на 1709 годъ, то и такой иллюстраціи достаточно для того, чтобъ имѣть право сказать, что деморализація войскъ, отъ какихъ бы причинъ она ни происходила, есть ближайшій союзникъ къ пораженію арміи и сильнѣйшій врагъ славы полководца.

Карлъ XII хотя и былъ страстнымъ поклонникомъ своего геніальнаго предшественника Густава-Адольфа, но плохо усвоилъ себѣ основанія его военнаго искусства и пренебрегалъ одною изъ наиболѣе симпатичныхъ сторонъ его военнаго права—уваженіемъ къ личности и собственности жителей занятой страны.

Дюра-Ласаль, авторъ извѣстнаго сочиненія «О званіи генерала» (переводъ Сведеруса, С.-Петербургъ 1855 г.), къ числу необходимыхъ познаній для полководца и генерала относитъ изученіе «законовъ и военныхъ учрежденій». «Недостаточно хорошо командовать арміею по правиламъ военнаго искусства и высшей стратегіи: нужно, чтобы въ ней не было утѣсненій, безпорядковъ, чтобы все дѣлалось съ наименьшими расходами для государства и наименьшимъ пожертвованіемъ со стороны націи и земли, на которой производится движеніе арміи». Далѣе: «Генералъ долженъ изучать военно-уголовные законы, чтобы вѣрно примѣнять ихъ въ пользу дисциплины своей арміи; его распоряженія и

приказы имѣютъ, по всѣмъ правиламъ, силу закона. Счастливъ тотъ, кто, при употребленіи этой огромной власти, остается вѣрнымъ праву народовъ».

Знаменательныя мысли, и Петръ имъ слѣдовалъ; но многіе-ли ему подражали у насъ въ былое время...

Многое, что нѣкогда подлежало суровымъ наказаніямъ по артикуламъ, что внушалось профосами и палачами, отошло въ область преданія, закрылось завѣсою старины и ушло въ вѣчность, подобно тому, какъ исчезаютъ ночныя тѣни съ наступленіемъ утренняго свѣта. Однако эта мрачная старина, пугающая воображеніе, поучительна: въ ней, въ этомъ мракѣ, найдемъ извѣстныя начала, которыя укажутъ намъ, что въ военномъ дѣлѣ различныя условія, соединяясь и переплетаясь между собою, ведутъ къ хорошимъ или дурнымъ послѣдствіямъ; но дурныя послѣдствія всегда измѣняются къ лучшему, когда вводятся въ военные законы начала, болѣе благопріятныя, болѣе прочныя, болѣе способныя къ поддержанію порядка и дисциплины въ войскахъ.

Эпоха возрожденія военнаго искусства тѣмъ и поучительна, что богата военно-юридическимъ матеріаломъ, изъ котораго мы можемъ черпать обширныя свѣдѣнія для науки военнаго права, для установленія принциповъ администраціи.

Для примѣра приведу слѣдующіе факты.

Въ Сѣверную войну ежегодное число бѣжавшихъ въ стопятидесяти тысячной арміи Петра Великаго достигало отъ 10 до 20 тысячъ, т. е. до 10% Случилось однажды, что по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, изъ 23000 чел. драгунъ оставалось на лицо 8 тысячъ. И эти явленія не прекращались послѣ заключенія Ништадскаго мира, не взи-

рая на то, что артикулъ 95, по редакціи 1717 г., угрожалъ за побѣгъ рекрутамъ и молодымъ солдатамъ *шпицрутенами черезъ полкъ по три дня по разу*, а солдатамъ, служившимъ болѣе года, и за второй побѣгъ рекрутамъ полагалъ *наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри передъ полкомъ, сослать въ вѣчныя работы на галеры.*

Въ пятидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія побѣги были явленіемъ весьма распространеннымъ въ быту русскихъ войскъ, не смотря на жестокое наказаніе шпицрутенами, по В. Уг. Уст. 1838 г.

Мы хорошо знакомы съ преобразованіями военнаго устройства: они внесли коренныя улучшенія въ бытъ русскаго солдата, они подняли значеніе офицера, они возвысили армію. И военно-уголовные законы, какъ и вся администрація, теперь болѣе, чѣмъ когда либо прежде, должны строго и заботливо охранять дисциплину и порядокъ въ войскахъ, такъ высоко стоящихъ по своему благоустройству.

По всеподданнѣйшему отчету военнаго министра за послѣдніе три года, 1881, 1882 и 1883, подсудимыхъ, присужденныхъ къ наказанію за *побѣгъ, самовольную отлучку и неявку въ срокъ на службу*, считается среднимъ числомъ менѣе 3,000 челов., а это составляетъ только $0{,}4\%$ относительно всего числа 760,000 человѣкъ офицеровъ и солдатъ нашей арміи.

Другими словами: изъ тысячи человѣкъ обвиняются въ побѣгѣ и самовольной отлучкѣ только 4 человѣка, а полтораста лѣтъ тому назадъ такихъ было на тысячу нижнихъ чиновъ цѣлая сотня!..

За самовольныя отлучки и побѣги теперь налагаются большею частію незначительныя наказанія: *за самовольную отлучку*—переводъ въ разрядъ штрафованныхъ и дисциплинарныя взысканія; *за первый побѣгъ*—большею частію оди-

ночное заключеніе въ военной тюрьмѣ съ замѣною наказанія; *за второй побѣгъ*—отдача въ дисциплинарныя роты (бывшія военно-исправительныя). И только *за третій побѣгъ*: ссылка въ Сибирь на поселеніе.

Эти данныя мирнаго времени краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказываютъ, какіе громадные успѣхи достигнуты въ управленіи и содержаніи арміи и какъ высоко поднялся въ ней нравственный уровень офицера и солдата. Смягченіе всей системы наказаній есть результатъ культурнаго поднятія русскаго народа—лучшее доказательство цѣлесообразности реформъ Императора Александра II, во всемъ ихъ объемѣ.





